

© 2010 г. А.А. ПИЧХАДЗЕ

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОЙ И ОПТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ПРЕСКРИПТИВНЫХ ПАМЯТНИКАХ*

В статье описывается набор средств выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских текстах. Этот набор варьирует в зависимости от жанра. В некоторых жанрах (в древнейших юридических текстах и старорусских инструкциях) ключевую роль при выборе конструкции играет наличие или отсутствие контроля исполнителя над действием: при субъекте, контролирующем ситуацию, используется инфинитив, при неодушевленном субъекте – оптатив или другие конструкции. В некоторых текстах («Домострое», грамотах) эта оппозиция выражена менее четко за счет экспансии инфинитивной или, напротив, оптативной конструкции, а в церковнославянских текстах не выражена вовсе.

При выборе форм выражения императивных и оптативных значений в языках мира ключевым является наличие или отсутствие контроля над ситуацией. Применительно к древним текстам речь идет не столько о контроле говорящего – точнее, пишущего – над исполнением действия, сколько о контроле самого исполнителя над действием, которое он должен совершить [Гусев 2002: 175]. Адресатом императива может быть не любой субъект, но только обладающий контролем над ситуацией. Поэтому «в подавляющем большинстве языков имеются ограничения на образование императива 2-го лица от глаголов, описывающих неконтролируемые ситуации» [Добрушина 2001а: 78]. Если субъект действия не является агентивным / интенциональным, используются другие способы выражения предписания, в частности оптатив. Это явление характерно прежде всего для 3-го лица, поскольку именно здесь «противопоставление императивной и оптативной семантики нередко нейтрализуется» [Добрушина 2001б: 21].

Набор средств для выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских текстах дифференцирован в зависимости от жанра памятника. Попытаемся обрисовать в общих чертах картину функционирования этих средств в независимых предикациях на материале юридических текстов («Русской Правды» XI–XII вв., «Митрополичьего правосудия» XIV в., «Псковской судной грамоты» XV в.), предписаний церковных иерархов («Ответов митрополита Георгия» XI в., «Вопрошания Кирика, Саввы и Ильи» 1130–1156 гг.), грамот, «Домостроя» XVI в. и старорусских инструкций по технике иконописи и книжного дела XV–XIX вв. (для краткости будем называть их далее техническими инструкциями).

В прескриптивных жанрах дискурс строится как последовательность высказываний в форме повелительного наклонения или инфинитива. Однако в средневековых текстах – как в церковнославянских, так и некнижных – встречается еще один способ изложения рекомендации: в форме настоящего и настоящего-будущего времени. В таких

* Работа выполнена при поддержке ОИФН РАН (проект «Синтаксическая разметка подкорпуса древнерусских переводных текстов» в рамках программы «Филология и информатика: создание системы электронных ресурсов для описания русского языка, литературы и фольклора» и проект «Синтаксический анализ древнерусских текстов» в рамках программы «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»).

случаях предписание ничем формально не отличается от описания процесса как узуального (хабитуального). Вот как формулируются 5-я и 6-я статьи «Русской Правды» Пространной редакции (по списку «Мерила праведного» XIV в.): Будеть ли сталъ на разбон. безъ всякого свадѣ. то за разбонника люди не платятъ. но выдѣдѣть и всего. съ женою и с дѣтми. на потѣкѣ и на разграбленіи. аже кто не вложитъ(с) в дикѹи вѣрѹ. тому ли(д)ни не помагати но самъ платитъ [Тихомиров 1953: 50]. Таким же образом может оформляться предписание в «Ответах митрополита Георгия»: а жена егда неч(с)та бѹде(т) не целѹе(т) еѹа(г)ліа; аще с трѣми женами мужатыми. бѹде(т) блѹ(д) .ѣ. лѣ(т) не комкае(т) и др. [Турилов 2004: 234, 236], а также в «Вопрошании Кирика», где формы императива и настоящего(-будущего) иногда перемежаются: И тако осмыи день измыкѣтсѣ и прѣдетъ къ тобѣ, и створи кѹмѹ молитвы по обычаю, и облечеши и въ порты чисты, или самъ сѣ, и надежеши ризы крестныя и вѣнецъ, и тако помажеши и свѣтымъ миромъ, и дан кѹмѹ свѣщю [РИБ VI: 26]. Настоящее (-будущее) узуальное в значении долженствования употребляется и в «Домострое» – сборнике рекомендаций по устройству домашнего обихода: а коли ѿдѣнакомъ члѣкъ, а не богатон, а запасистон, держи(т) про гостѣ пиѣце въ запасѣ... і въ да(л) поблѣде(т) [Забелин 1881: 122]; иногда настоящее(-будущее) перемежается здесь инфинитивом: и на мѣтвѣ свѣщю вѣжигати і кадити блѹговонны(м) ладанѹ(м) і фимиѣанѹ(м), а ѿбразы сѣмѣ поставляти сѣ и(ж) в на(ч)лѣ по чинѣ, сѣо почитаеми сѣж(т)... всегда почитати ихъ со слезами [Там же: 33]. Такой способ выражения предписания встречается в отдельных технических инструкциях: инѣ(м) же ѿбразо(м) сице соста(в)ляе(т)сѣ че(р)нило. Ѹкѹде(л)ни(к) глинне(н) ѿкопѣ(т) в сѣ(м)ли. и наложи(т) его медо(м) кнѣ(м) до(б)ры(м), крѣпкѣ(м), пе(р)сты на три непо(л)нѣ. и над(д)хне(т), и повѣже(т) плато(м), и воилоко(м) накрое(т), и де(р)но(м) све(р)хъ. и по трѣе(х) д[не(х)] раскѹта(в), пакѣ на(д)хнет его. и пакѣ повѣже(т) РНБ Q. XVII № 67 XVI(?)–XVII вв. [Симони 1906: 39]; аще что хоше(т) писати. соче(т) прѣ(ж) строкѣ на страницѣ хотѣщеі писати(с). и соче(т) перо чини(т). и ве(р)хъ ѹ него твои(т) по(л). и чиненыи коне(ц) ѿане(м), с ве(р)хнѣго накладывае(т) до ве(р)ха. и пото(м) ве(р)хнѣи коне(ц) наложи(т) пе(р)сто(м) вторы(м) правыи рѣкѣ, и пише(т) страницѣ вѣи. и ка(к) послѣ(д)нее слово, на послѣ(д)ней строкѣ напише(т), и в перѣ че(р)нило нѣоіде(т) все. и не ѿтане(т)сѣ ничто(ж) Там же [Симони 1906: 41]; О чока(н)о(м). Прѣ(ж) выкѹе(т) сре(б)ро... На басмѣ положи сре(б)ро. и на сре(б)ро. свине(ц) и по свин(н)цѹ вынѣвае(т) Там же [Симони 1906: 47]. Аналогичное употребление настоящего(-будущего) времени отмечено в грамотах [Борковский 1949: 88–89].

Поскольку неопределенно-референтный субъект, которому адресована инструкция, может мыслиться как индивидуальным, так и коллективным, единственное число в технических инструкциях иногда чередуется с множественным: О че(р)неніи кр(с)то(в)ры(б) ѿ(б)ны(х). Прѣ(ж)дѣ ѿволожи(т) сице. Повари(т) въ годѣ(х) в' мо(р)сѣ. та(ж) пото(м) в' солѣ повари(т). По сѣ(м) же положи(т) в че(р)нило на ни(т)кѣ. и до(р)жи(т) тамо до ,ѣ, ти дне(н). та(ж) выне(м) повари(т) в че(р)ниле (ж) с ча(с) боѣвоі. и ѿтѣдѣ выне(м) сѣши(т). и наложи(т) лоскъ дре(в)цо(м) гла(д)ки(м). иные (ж) ма(с)ла конопляна ка(п)ли положи расотре(т) по (в)семѣ и ѿсѣша дре(в)цо(м) лоши(т). ѿ инѣ(х) же просты(х) костеі тѣ(м) же ѿ(б)разо(м) твори(т). точи не ѿвалаживае(т) РНБ Q. XVII № 67 XVI(?)–XVII вв. [Симони 1906: 46]. Смысловая равнозначность единственного и множественного числа реализуется в данном контексте в ущерб грамматической правильности; аналогичное явление имеет место при согласовании по смыслу, характерном для устной речи.

Однако более обычными в средневековых прескриптивных текстах являются конструкции с повелительным наклонением и инфинитивом, а в старорусский период также конструкции, выступающие в функции опатива.

Использование инфинитивной конструкции характерно прежде всего для юридических текстов – «Русской Правды», «Митрополичьего правосудия», «Псковской судной грамоты» [Собинникова 1990: 60–64], договорных и других грамот. Инфинитивные конструкции в значении долженствования в грамотах, особенно договорных, во много раз превосходят по частотности императив, при этом они употребляются по отношению не только к 3-му, но и ко 2-му лицу [Борковский 1949: 81–86, 89]. Инфинитив выражает в древнерусских юридических памятниках предписание, имеющее характер закона, исполнение которого обязательно. Инфинитивная конструкция древнерусских юриди-

ческих текстов и грамот соответствует церковнославянской конструкции «частица да + личная форма в настоящем-будущем времени» [Якубинский 1953: 295–298; Успенский 2002: 259–260]¹. Если, например, в договорах Руси с греками для обозначения долженствования используется только личная форма с частицей да, то в «Русской Правде» в аналогичных контекстах употребляется инфинитив или личная форма в изъявительном наклонении (узואльное настоящее): ср. в Договоре 945 г.: аще ꙗзѣтъ х(с)ѣганинъ русина... да держ(и)мъ бꙋдетъ створиѣти ѹбниство. Ѡ ближнии(х) ꙗзѣнаго да ꙗзѣтъ и. аще ли ꙗзѣчнѣ ств(о)риѣти ꙗзѣи. и ꙗзѣжитъ аще бꙋдетъ и мовѣтъ. да возъмѣтъ имѣнѣе его. ближнии ꙗзѣнаго. аще ли естъ немовѣтъ и ꙗзѣчнѣ же. да нищѣтъ его дондеже ѡбращѣтъ аще ли ѡбращѣтъ да ꙗзѣнъ бꙋдетъ и т.д. [ПСРЛ I: 51–52] – в «Русской Правде»: или бꙋдетъ кровавъ или синь надъраженъ. то не искати ємꙋ видока, чѣмꙋ то мꙋ... оже ли себе не можетъ мыслити, то взати ємꙋ за обиду, ꙗ. гривнѣ (статья вторая Краткой редакции [Тихомиров 1953: 39]). В «Русской Правде» конструкция с да фиксируется только в Краткой редакции, составленной в XI в., причем всего два раза – в статьях 16 и 40: гдѣ его налѣзꙋтъ. ꙋдареныи тои мꙋжъ, да бꙋтъ его; да положить по ѡ рѣзанъ продажи [Там же: 42, 45]. В «Митрополичьем правосудии» эта конструкция употреблена только однажды в последней статье [Там же: 129]. В «Псковской судной грамоте» конструкция с да встретила тоже всего один раз: а сѣбѣ(и) ставъ на кон(х) шлѣтъ да скажꙋтъ какъ правъ пре(д) бѣомъ л. 2². В «Ответах митрополита Георгия» употребляется как древнерусская, так и церковнославянская конструкция: ѡ аще ли болно бꙋде(т) [дитя] да кр(с)титѣ в говѣнїе (статья 9), ѡ во .ѡ. днѣ кр(с)тити дѣтъ (статья 21) [Турилов 2004: 235, 237]; такая же картина наблюдается в «Вопрошаниях Кирика, Саввы и Ильи»: То кто, рече, кормитъ дѣтъ, или роднаѣ мати, или кормилица, да не гастъ до обѣда... ѡ на обѣдѣ не гастѣ ки мѣса [РИБ VI: 39]. В «Домострое» форма с да встречается только в формуле благословения: подаван(т) Ѡ всѣмъ(ѣ) овинамъ, сирота(м) и ꙗзѣи(м) и по монастыре(м) ꙗзѣи(м) даѣтъ же бѣомъ. сѣи тако творѣшимъ, да бл(с)венъ дв(м) его бꙋде(т) [Забелин 1881: 122] и дважды – в пассаже о священии маслом больного [Там же: 40, 41].

В Договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. отмечена аналогичная церковнославянской конструкция с восточнославянской частицей ать: латинѣ то не надѣѣ. ате промѣжи събои ꙗзѣдѣтъ список А ‘пусть договорятся между собой’; кнѣзи то не надобѣ ни какому русину. ате правѣтъ сами по своему сꙋдꙋ список Д ‘пусть разбираются сами’ [СДЯ XI–XIV, I: 99]. В «Вопрошаниях Кирика, Саввы и Ильи» в этой конструкции зафиксированы частицы ать и отъ: Оже бꙋдетъ кѣи человекъ и крещенъ въ латиньскꙋи вѣрꙋ и възхошѣтъ приступити къ намъ? – ѡтъ ходитъ въ церковь по ѡ дни [РИБ VI: 26]; рѣшити и, рече, и молитва раздрѣшѣнаѣ дати ємꙋ, но отъ держитъ заповѣдъ, такоже ємꙋ отецъ велѣлъ [Там же: 59] – в последнем случае форма повелительного наклонения 3-го л. (юссива) необходима потому, что позволяет отличить предписание в адрес 3-го л. от указания 2-му лицу, выраженного инфинитивом. Однако в восточнославянских текстах конструкция с частицами ать, отъ и формой настоящего-будущего времени не получила распространения.

Конструкция «да + наст.-буд.» характерна прежде всего для текстов на церковнославянском языке или ориентирующихся на церковнославянский стандарт, но не для древнеболгарских текстов вообще. Инфинитив, выражающий долженствование, известен старославянским [Вайан 1952: 382] и церковнославянским памятникам, где он может соответствовать греческим инфинитивным формам, также употреблявшимся в значении долженствования, особенно часто в юридических текстах; изредка славянский ин-

¹ В церковнославянских памятниках южнославянского происхождения конструкция «да + наст.-буд.» преобладает также в целевых и косвенно-побудительных придаточных предложениях, в то время как в оригинальных древнерусских памятниках в таких придаточных предпочтение отдается конструкциям с сослагательным наклонением [Bräuer 1957; Лесневский 1976; Молдован 1996: 263–270].

² Здесь и ниже текст «Псковской судной грамоты» цитируется по фототипическому воспроизведению списка XVI в. в издании: Псковская судная грамота / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1914.

финитив переводит греческие формы императива: и тѣгда ꙗко прѣати... дати же ꙗкоу вѣру $\lambda\alpha\mu\beta\alpha\nu\acute{\epsilon}\tau\omega$... $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\tau\omega$ XI титул Номоканона XIV титулов в «Пандектах» Никона Черногорца [Максимович 1998: 79]. Однако в церковнославянских текстах употребление инфинитива ограничено, очевидно, здесь более предпочтительной казалась конструкция «да + наст.буд.», которая точнее передавала греческую форму императива 3-го л. и латинскую форму конъюнктива 3-го л.³, чем инфинитивная форма. Но в древнеболгарских не книжных прескриптивных текстах инфинитив употреблялся не менее регулярно, чем в восточнославянских. Это стало очевидно после находки синайского глаголического сборника медицинских рецептов XII в., в котором, за исключением одного контекста с императивом, всегда используются инфинитивные формы: Обзринъ на врачъж. тѣжови: коушъше і: въ винѣ възваръше ипити: (...) Егда бждетъ чѣкоу тѣжъка жтроба: ли отокъ: ли прохода не бждетъ: то кобение (вместо коренне) то варити въ винѣ: того чашъ ипити: и то вѣдѣти: Яще не бждетъ прохода възкорѣ. то цѣлѣ солъ варити съ медомъ: то же взложити въ проходъ: І аще сѣ ѣзва запечетъ: то покривъно (вместо кропивъно?) листъѣ либо коренъѣ гътеръше: то же сыпати на ѣзвѣж: (...) Конн егда бждетъ чѣзвѣ: шевей конъскои корѣ его взложити въ ѣзвѣж: [Rosenschon 1994: 307–310].

В древнейшем собрании технических инструкций, находящемся в рукописи РГБ, ф. 304.1, Тр.-С. № 408, XV в.⁴, имеющем больше всего церковнославянских элементов в лексике и синтаксисе (здесь встречается даже дательный самостоятельный), господствуют формы 2-го л. ед. числа повелительного наклонения, а инфинитив встречается лишь в единичных случаях. В более поздних инструкциях инфинитив употребляется постоянно: а санкирь составити, в' вохрѣ прѣ[ли]вати чернилъ немного, а по сѣ(н)кири писати вохром... Я чернила составити то (ж) уголье еловое да утѣ(р)ти мѣлкъ бе(з) извести РГАДА, ф. 181, МГАМИД № 469/937, вторая половина XVII в. [Симони 1906: 231]. Инфинитив является основным средством выражения долженствования в «Домострое»: какъ плати всѣмъ кони женѣ носити и устроити. Я пла(т)е и рѣбашки і пѣрѣсы на себѣ носити брѣ(ж)но по всѣмъ дѣи не изваляти, не изсѣлати, не изланти, и на мокрѣ не сѣсти і не положити, все то снiman(ч) съ себѣ класти брѣжно. и брѣ(ч) тв(г) накрѣпко. и сѣл(г) учити тако (ж) [Забелин 1881: 256–257]; і сѣл(ж)ке прѣстѣпн(т)ца і взл(т) і понести, ино хороше і не угрѣзнено, і сѣ(м) не уваляе(т)ца [Там же: 131].

Яркой особенностью старорусских технических инструкций является возможность однородного употребления личных и инфинитивных форм, т.е. повелительного наклонения или 3-го л. наст.(-буд.) и инфинитива, несмотря на то, что их субъект на поверхностном уровне должен быть выражен разными падежами – именительным при повелительном наклонении и наст.(-буд.) времени и дательным при инфинитиве, а также несмотря на то, что субъект повелительного наклонения должен быть выражен 2-м л., а субъект наст.(-буд.) времени – 3-м л.: зла(т) не пла(т)ѣ выжигати. : – зже(т) сѣ(г) в гонцѣ. да пепе(л) во(н) выдѣ(т). а золото смѣша(в) с мыло(м) жжены(м) довольно. класти в горнечникъ в малои сребренын. ка(к) сѣ сварн(т) серебреце то. иноѣ з горо(х). а иноѣ з ѣманинѣ. а иноѣ с ма(к) и выдѣ(в) пепе(л) то(т). и па(к) во ины горнечн(к) вло(ж). да перелен в ызлонницю Тр.-С. 408 XV в., 330 об.; иссѣши(в) гораз(а)о да истолчи мѣлко. тако пѣ(х) мѣ(ч)нын. да мѣшати в мѣсто Тр.-С. 408, 384 об.; Гѣмѣ л'нѣное влѣти в' котел(а). и исто(л)кши мѣ(а)ко сѣ(н)та(р), и класти по мѣре в него. и варити два дни да но(ч). и пото(м) класти чн(р)кѣ рѣбно(ва) дре(ва) колоты или не колоты в него, и прѣпечатѣ(т) дском прѣкры(в), и парн(т) дѣнь да но(ч). та(ж) пото(м) цѣди(т), что(б) было тѣ(п)ло, а не горяче РНБ Q. XVII № 67 XVI(?)–XVII вв. [Симони 1906: 46]; яще чернило бумагу прѣдѣстѣ увави орѣшковъ. и положити дово(а)но комѣди Пог. № 1610 XVII в. [Там же: 112]; опиши багром, да иззатинь, да киноварем подрумянить... Да подте-ну составь, да сплавить, да вытянуть ГБЛ, ф. 299 (Тихонр.) № 457, вторая четверть XVII в. [Свод 1: 108]; Комѣдъ к подѣлѣи растворить, укроши сѣмъ кѣсками и покласть в сосѣдецъ

³ См. церковнославянский перевод латинского пенитенциала VIII в. в [Максимович 2008: 172–194]; инфинитивная конструкция в переводе, как и в латинском оригинале, отсутствует [Там же: 94].

⁴ Рукопись доступна на сайте <http://www.stsl.ru>

скланой Сийский иконописный подлинник чернеца Никодима, вторая половина XVII в. [Симони 1906: 208]; Гварн(ти) клен нзо ѡ(ѣ)рѣско(ѣ) нзо ѡ(ѣ)чн(н)ны(х) н(лі) возми свѣже(ѣ) клен варено(ѣ) ново и до(н)ного Сборник Ржановского XVII–XVIII вв. [Там же: 160]; Возми калу конскаго свежаго, и выжати из него сок в судно ГИМ, Забелинский сб. № 344, первая половина XIX в. [Свод 2: 408]; Чеснок истолкши, процедить дваши, и поставити в суденке, на солнце изсуши Там же [Там же: 408]; Как по стеклу писать. Взять масла скипидарного, нашатырю, нефти, камедь и на оном краски твори РНБ, О. XIII.11, середина XVII в., приписка первой половины XIX века [Свод 1: 125].

Однородное сочинение инфинитива и повелительного наклонения отличает инструкции от «Домостроя», юридических текстов и предписаний церковных иерархов. Эта синтаксическая конструкция наблюдается со времени создания самого раннего списка технических инструкций (Тр.-С. 408 XV в.) вплоть до инструкций XIX в. Иногда в разных списках и редакциях одной и той же инструкции разные глаголы принимают форму повелительного наклонения и инфинитива, но само сочетание финитных и инфинитивных форм сохраняется: ѡлово терти пилом и ѡсыпан ѡгле(н), да влен желчь медвѣ(ж)и да кваси Тр.-С. 408, XV в., 330 об. (с этих слов начинается рецепт) – ср. в более позднем списке: олово терти пилом ѡсыпати ѡголь да влѣи ме(д)ве(ж)и желчь да кваси БАН 45.9.4 XVII–XVIII вв. [Симони 1906: 220]. Иногда меняется лексическое наполнение однородного ряда, но сочинение повелительного наклонения и инфинитива остается неизменным: Найди ящерицу же(л)тѣи живѣи да розвести со ртѣтъи ГИМ, Муз. 1933, вторая четверть XVII в. [Там же: 119], то же в рукоп. РГАДА, ф. 181, МГАМИД № 925/1491, 1675 г., ГИМ, Заб. 459, конец XVII в., БАН, 33.6.17, 1776 г. Найди ящерицу живую желтую. Истерши розвести со ртутью ГБЛ, ф. 37 (Больш.). № 24, 1767 г. [Свод 2: 123] – ср.: Найди ящерицу желтую, да посадить в скляношной сосуд со ртутью РНБ Q. XIII. 10, к. XVII в. [Свод 1: 287], И ящерицу живую запечатай со ртутью, да положить в печь волную БАН, 33.6.17, 1776 г. [Свод 2: 208]. Но в некоторых случаях писцы заменяют конструкцию на стандартное сочинение личных форм или инфинитивов или же преобразуют одну из предикаций в причастную: Найдя ящерицу желтую живую и розотри со ртутью РГБ ф. 310 (Унд.), № 696, конец XVII в. [Свод 1: 269]; Сыскати ящерицу живую желтую да розвести со ртутью ГИМ, Муз. № 2651, третья четверть XVII в. [Там же: 176–177]; Найди ящерицу желтую живую, и разотри со ртутью РГБ, ф. 178 (Муз.) № 4235, первая четверть XVIII в. [Свод 2: 15].

Однородное сочинение формы повелительного наклонения с инфинитивом является настолько устойчивым синтаксическим шаблоном старорусских иконописных инструкций, что приводит к возникновению анаколуфа, при котором субъект в форме местоимения 2-го л. сочетается с инфинитивом: А опять засохнет, и ты, что перстом нельзя творити, ино маленько комеди прибавить, и опять творити ГИМ, Забел. № 344, первая половина XIX в. [Там же: 406].

В «Домострое» сочинение повелительного наклонения и инфинитива встретилось лишь однажды в кулинарном рецепте: а сторо(ж)ки приѣзав(и), да в нее лѣти сыта пато(ч)на... а класти в боче(ч)ки ... по ѡ(д)номѣ га(ѣ)локѣ рѣками, да налѣ(и) пато(ч)ном сытом [Забелин 1881: 159].

Чуждая книжному языку, конструкция однородного сочинения повелительного наклонения с инфинитивом спонтанно возникает в некнижных текстах: ее появление вызвано семантической близостью императива и инфинитива в значении долженствования. Вот пример из письма Павла Егоровича Чехова к сыновьям Антону и Ивану (1877 г.), весьма близкий к процитированным выше контекстам: «Перешлите в Москву 2 сундука по железной дороге, хорошенько обшить их рогожами, завязать веревками и запечатать» [Кузичева 2004: 208]. Однако в качестве устойчивого шаблона эта конструкция могла закрепиться только в некнижных текстах, поскольку книжная норма не допускала однородного сочинения предикатов с разными морфологическими характеристиками при субъекте, который должен быть выражен формами разных падежей. Но в средневековых текстах чаще, чем в современных, смысловое сходство оказывалось важнее формального согласования или единообразия – об этом уже говорилось выше в

связи со смешением 2-го и 3-го лица в технических инструкциях. В процессе развития жанра неприемлемые для книжного языка конструкции иногда закреплялись в качестве специфических шаблонов: в некнижной письменности отсутствовал единый образцовый корпус текстов, что способствовало «формированию частных традиций, имеющих дело с отдельными типами текстов (...) Если в истоках формирования подобных традиций может лежать отклонение от стандарта, то в их развитии оно выступает в качестве прецедента, легализующего эти отклонения и образующего отдельный преемственный узус, своего рода частный стандарт» [Живов 2004: 62].

В отличие от юридических текстов, «Ответов митрополита Георгия» и технических инструкций, в «Вопрошаниях Кирика, Саввы и Ильи» в 3-м л. употребляется – правда, в единичных случаях – оптатив, выраженный сочетанием частицы да и формы сослагательного наклонения: Я́ молозѣва, рече, лихо, негодно быти кѣо, како съ кровѣи кѣтъ. да быша съ три дни телати давали, а потомъ чисток сами ѣли ‘пусть три дня дают теленку’, Яще кто хоцетъ женитисѧ, да бы съ оубавѣ блуда ѿ днии ‘пусть воздержится от блуда’ [РИБ VI: 48]. В «Домострое» форма оптатива используется гораздо шире, и частица да в ее составе уже отсутствует. Оптатив в «Домострое» фиксируется не только в 3-м л., где он наиболее близок по семантике императиву, но и во 2-м л., хотя и чрезвычайно редко: а которы ѿ тебѧ чѣкъ... твои(м) жалованіе(м) ѣ тво(м) нелѣпо ходи(т), и беречи не ѿмѣе(т), и ты бы своимъ приказникѣмъ велѣлъ ѿ такн(х) нечю(в)ствены(х) людемъ платіе съ ни(х) съимати лѣчшее [Забелин 1881: 71]; а ты бы ни(м) ѣ томъ не потачи(а), и обыскива(а) прямо съ очен на очн [Там же: 72]; а сажение и мониста и лѣтнее пла(т)е всегда бы было в сѣнѣхъ(х) и в коробѣхъ(х) за замкѣ(м) и за печатнѣ, а кланчѣ бы держала в малѣ(м) ларцѣ, а всегда бы вѣдала сама (хозяйка) [Там же: 94]; и всякое лѣтнее пи(т)е в опрѣшенно(м) погребѣ за замкѣ(м), а са(м) бы тамо ходи(а) [Там же: 128]. Оптатив употребляется в случаях, когда распоряжение относится не к непосредственному адресату, а к более далекому субъекту: или ѿ кого сѣи или вѣрномъ слѣга, и ѿ(н) бы вездѣ дозрѣвала, и всякого бы почти(а), и добры(м) словѣ(м) привѣча(а) [Там же: 48], Я і слѣгамъ бы г(с)динѣмъ пѣстошнн(х) рѣчен, ни пересмѣшны(х), ни безлѣпны(х), ни соро(м)ски(х) ѿнн(а) не говорила. ни торговки, ни бѣз(з)дѣльные жонки, ни бабы, ни волхвы никакѣ(ж) во дворѣ не приходили [Там же: 93]. Соответственно переход от распоряжения в адрес непосредственного исполнителя к пожеланию в адрес третьего лица выражается переходом от настоящего времени, императива или инфинитива к оптативу: а слѣгъ свон(х) заповѣдыван о людехъ не переговаривати, и гдѣ ѣ люди(х) были, и что видѣли недобро, тво(г) дома не сказывали бы [Там же: 94].

Чаще форма оптатива, в том числе при обращении ко 2-му л., встречается в грамотах, хотя и здесь она многократно уступает по частотности императиву [Борковский 1949: 104–105].

В специальном рассмотрении нуждается вопрос о выражении долженствования при не контролирующем ситуацию субъекте, выступающем в 3-м л., и в безличных предложениях. В церковнославянских текстах в пожеланиях в адрес 3-го л. используется аналитическая форма с частицей да – как по отношению к агентивному субъекту, так и по отношению к неактивным и неодушевленным субъектам: И да возмѣши также на трѣбницѣ і ѿ масла помазаннаго да възкропиши на ѿрѣна і на ризы кѣо і на сѣа кѣо і на ризы сѣу кѣо і нимъ да осѣлѣтитѣ самъ і сѣа кѣо і ризы кѣ... И ризы стѣго также сѣтъ ѿрѣну да бѣду(т) сѣмъ кѣо по немъ помазатиѣ імъ в нѣхъ і свершити рѣцѣ іхъ .ѣ. днѣ да съ облачитѣ в нѣ жрецъ ниже в него мѣсто ѿ сѣвѣ кѣо Книга Исход XXIX 29–30 по рукописи 1400-х гг. (РГБ, ф. 304. I, Тр.-С. № 1, л. 83 об.), вѣтви і кружи ѿ неѣ да бѣдѣтъ папана ѿ единого злата чиста і да створиши .ѣ. свѣтилъ. и възставиши свѣтила да свѣтѣтъ ѿ единого лѣца кѣмѣ Там же, л. 79 об. Можно предположить, что такое неразличение высказываний с агентивным / неагентивным подлежащим, обладающим / не обладающим контролем над ситуацией, калькирует греческую модель: в греческом языке императив 3-го л. образуется синтетически от любых глаголов, так же, как императив 2-го л.

В «Русской Правде» предписание относительно неодушевленного субъекта никогда не выражается при помощи инфинитивной конструкции – в этих случаях сказуемое стоит в форме настоящего времени: аже в богарехъ. либо въ дружинѣ. то за князѣмъ задница

не идет; аче же и ѿчимъ приметь. дѣти и съ задницем. то тако же ксть радъ; а бѣдетъ роба. то ѿ гнѣи а шестата на перекмъ ѿхвднть [Тихомиров 1953: 66, 68, 71]. Решающим при выборе конструкции является отсутствие не агентивности, а контроля над ситуацией. Об этом свидетельствуют контексты, в которых речь идет об одушевленном и контролирующем ситуацию субъекте, в которых употребляется инфинитивная конструкция, несмотря на то, что субъект не является агентивным: то нстьцѣ лицѣ взати. а прѣка кмѣ желѣти. что с нимъ погнѣло. а оному своихъ кунъ желѣти; вѣдая ли будетъ купиль, то кунъ ему лиху быти [Там же: 56; 111]. От субъекта в этих контекстах не требуется активного действия, но он обязан сознательно подчиниться закону. В безличном же предложении с отрицанием, т.е. при неконтролируемой ситуации, используется настоящее время: ꙗже кто поклажанъ кладѣть ѿ кого либо. то тѣ послуха нѣсть (в других списках нѣтъ) [Там же: 58]. В «Митрополичьем правосудии» при неодушевленном субъекте также употребляется настоящее время: аще ли кто на кого хвалиться, то его и утягати, то ему есть суд [Там же: 128].

В «Псковской судной грамоте» имеются контексты, в которых одушевленный субъект не осуществляет контроль над ситуацией и имеет бытийный глагол в качестве предиката, выраженного формой инфинитива: а ты(м) подвѣрникомъ бы(т) от кнѣзя чѣкѣ а ѿ пскова чѣкѣ же 8 об.; а послухъ быти ѿдномъ... а нанитѣ ѿ жонки не быти 14 об. В безличном предложении с отрицанием фиксируется оптатив: а покоевниковъ бы не было ни с одной стороны 8 об. Инфинитив встретился в двух статьях при неодушевленном субъекте: а порѣ(к) [т.е. поруче] бы(т) до рѣбѣ а болши не быти рѣбѣ л. 5; ино томъ (ж) ѿтрокъ быти. а иномъ ѿтрокъ не быти 6 об. – отрокъ здесь обозначает отказ от договорных отношений, сопровождавшийся расчетом. Похожая ситуация наблюдается в более поздних юридических текстах – например, в Судебнике Ивана IV (и на тѣ кабалы отписи безъ боярского доклада и безъ дѣячей подписи не быти; ино суду быти тако жѣ на Москвѣ) или Уложении 1649 г. (и тѣмъ мелницамъ по ихъ челобитю быти) [Борковский 1968: 164] и в грамотах, где в некоторых случаях фиксируется инфинитивная конструкция при неодушевленном субъекте на фоне общего господства инфинитивных высказываний при одушевленном субъекте и редкого употребления оптатива [Борковский 1949: 87]. Таким образом, в старорусских юридических текстах и грамотах, как и в церковнославянских памятниках, нет четкого различения высказываний в адрес агентивного / не-агентивного, контролирующего / не контролирующего ситуацию субъекта, с той, однако, разницей, что сказуемое здесь имеет форму инфинитива, а в церковнославянских текстах – юссива.

Яркой особенностью старорусских технических инструкций, отличающей их от церковнославянских текстов, с одной стороны, и старорусских юридических текстов и грамот, с другой, является разное оформление указаний, относящихся непосредственно к читателю, который должен им последовать, и указаний, касающихся статуса субъектов, которые не могут непосредственно воспринимать рекомендации пишущего. Для обозначения действия, которое должен осуществить агентивный субъект, в предписаниях старорусских инструкций употребляются настоящее(-будущее) время, императив и инфинитив. При обозначении надлежащего качества и состояния объекта, с которым манипулирует адресат инструкции, употребляется либо настоящее(-будущее) время (постави ѿ гнѣи ѿбѣтнѣ(м). запечата(ѣ) твердо. и стон(т) ѿ не(д)ѣи 'и пусть стоит 6 недель' Тр.-С. 408 XV, 330 об.), либо сослагательное наклонение, которое выполняет в таких контекстах функцию оптатива: а ма(г)ло бы ся ѿстояло в теплѣ ночи двѣ 'масло пусть отстоится в теплом месте' РНБ, Соф. № 1524, XVII в. [Симони 1906: 103]; Возми рѣти златникъ злата златникъ же и вложи ѿ горшекъ, иного бы ничто не бывало и постави на ѿгнѣи 'ничего другого (в горшке) быть не должно' РНБ, О. 21, вторая четверть XVII в. [Там же: 147]; ꙗ клей творити пшеница бы была клеивата добраа и снрати клеивато (ж) Там же [Симони 1906: 151]; и прибавь ганца, безъ лишного, а с потребъ бы былъ Сийский иконописный подлинник чернеца Никодима, вторая половина XVII в. [Там же: 210]; возми свѣже(г) клей варено(г) ново и до(н)ного а не густъ бы бы(л) Сборник Ржановского XVII–XVIII вв. [Там же: 160]; И положи масло в сосуд железной чистой и вари в нем летней

день целой. Был бы жар мал, а дровца березовые сухие тонки Барсовское Сказание, вторая половина XVIII в. [Свод 2: 234]; Возми дождевой воды или снежной и положи клею в нее. И стояло бы 12 дней и болиши Там же [Свод 2: 233].

Такая же картина наблюдается в «Домострое»: пла(т)е і верхнее и нижнее, и сапоги, всегда бы было нзмыто... и за замко(м) всегда бы было... всегда бы всякие сѣды и порядна всяка чиста бы была... а ставци и блнда и лошки и ковши и братины по лавкѣ и по нзбѣ не баллались, гдѣ иустроено быти в чи(с)тв(м) мѣстѣ лежало бы опрокинуто ни(ч) [Забелин 1881: 257–258]. При переходе от агентивного субъекта к неагентивному в «Домострое» инфинитив заменяется на оптатив: і все то исцѣсти, і смѣтити, і записати, і хто емле(т) и хто дае(т), объма то было бы в вѣдомѣ [Там же: 91]. Лишь однажды инфинитив употреблен в «Домострое» по отношению к неодушевленному субъекту – в рецепте изготовления боярского меда: да наквасти дро(ж)жима, а процедити чисто бѣ(з) воши(н), а ки(с)нути в мѣришка(х) н(д)ла, да ме(д) сцедити з дро(ж)е(н), да положить в ынѣи бо(ч)кѣ бѣ(з) дрожже(н), да по(д)кормити патоком [Там же: 154].

Предикации, в которых подлежащее, обозначающее объект действия, связано со сказуемым в сослагательном наклонении, а подлежащее, обозначающее субъекта действия, связано со сказуемым в форме императива или инфинитива, в технических инструкциях могут объединяться в сложносочиненные предложения: Иня 8ка(з) че(р)нило варить. Вахи было (б) много да коте(л) бо(л)ше(н) налити воды поло(н) МГАМИД № 469/937, вторая половина XVII в. [Симони 1906: 236]; и положи на полати в тепло. И лежало бы сутки, и наутро посмотри Барсовское сказание, вторая половина XVIII в. [Свод 2: 231].

Частица *бы* может входить в состав сложной частицы *чтобы*, более определенно указывающей на оптативное значение, нежели частица *бы*, которая имеет не только желательную, но и условную семантику: Да на то волглое место золото клади. А положя, золото чтоб полежало, да привяло 'а после того как положишь, пусть золото полежит' ГИМ, Муз. 2803, 1660 гг. [Свод 1: 126–127].

При употреблении сослагательного наклонения в оптативном значении в технических инструкциях связка в составном сказуемом часто отсутствует: Возми щецѣ кислоты. а либо кисль. чтобы велми кнела. и бѣде(т) кисли с ковш(к) с питен. и ты всыпи квасце(б) с полгорсти Тр.-С. 408, 331; да испытии языко(м). чтобы не добръ сла(д)кы были. сла(до)сть бы волнаа. а бѣде(т) ни мака не слышетн сладости. и ты по(д)карманван ме(д)комъ прѣсны(м) Тр.-С. 408, 384 об., то же в ГИМ, Ув. 59, XVII в. [Там же: 91]; и попарити немного в во(л)не(м) жарѣ что(б) ни гѣсто ни жи(т)ко РНБ, Соф. № 1524, XVII в. [Симони 1906: 97]; кле(н) что кисе(л) жытко(н) не силе(н) бы а мѣлаъ положить ка(к) попи(с)ка стане(т) Там же [Симони 1906: 100]; да вари что(б) не добръ жа(р)ко ка(к) бы ся не загорѣло Там же [Симони 1906: 104]; а сѣхача олнфа дѣлати, и цвѣтна бы добре, ино клеи рыбнои РНБ, ОЛДП № XXI (№ 1952), вторая четверть XVII в. [Симони 1906: 153]; а злато(м) пиши не кле(н)ко же а жиде(н)ко (б) и ровно Сборник Ржановского XVII–XVIII вв. [Там же: 161]. Конструкции без связки чаще встречаются в ранних инструкциях и к XIX в. исчезают.

Оптатив без связки встречается и в «Домострое»: а раннаго питѣа і гаденѣа і поз(д)ного послѣ пѣнѣа ве(ч)наго ѿни(д) не творити (ж), бѣти бы и пити в славу бжѣи і в пш(д)вно время [Забелин 1881: 36], а в како(м) сѣднѣ что е(с) бѣства и пи(т)е, то бы покрыто чистоты ради [Там же: 106], убережено бы ѿ всякѣа пако(с)ти... і ѿ роба(т) всегда бы за(м)кнуто [Там же: 127]. Ср. в «Свадебных чинах» – тексте, примыкающем к «Домострою» в списках изданной И.Е. Забелиным редакцией: а на невѣсте бы вѣнецъ лѣтнн(к) желѣтъ [Там же: 177].

Бессвязочные конструкции с *бы* восходят к глубокой древности. Они зафиксированы в старославянских памятниках (цѣсарствик... кгоже бѣы въсѣмъ намъ не погрѣшити Супр.), где *бѣы* является еще не частицей, а формой 3-го л. условного наклонения глагола *быти*, первоначально имевшей вид *би* и уже в старославянскую эпоху смешивавшейся с формой 3-го л. аориста *бы* [Вайан 1952: 282]. В значении условного наклонения эта форма встречается и в древнейших восточнославянских памятниках: аще бѣы анхъ законъ грѣчскни. то не бѣы баба твоя пригала в Повести временных лет [ПСРЛ I: 108], луче бѣы нмъ

да бѣша добру другу поручилъ в «Вопрошании Кирика» [РИБ VI: 51]. Форма **бы** встречается в древнерусских памятниках при выражении пожелания, например, в приписке писца в Прологе XIV в. Син. № 239: **оже бы ми баба жнва** [Соболевский 1907: 245]. Чаше она употреблялась в этой функции в составе частицы **абы**, ср. **братѣ, абы ти како не съгрѣшати боѣ** в «Вопрошании Кирика» [РИБ VI: 51] и в древнерусском церковнославянском переводе греческой антологии «Пчелы»: **абы ми капла ума, негли глѣбина вазни** 'пусть бы у меня [была] капля ума, а не бездна везения!' [Пчела I: 17.20] и «Жития Андрея Юродивого»: **толко абы ми кго видѣти в тѣрѣбнѣхъ мужаница и в доверѣхъ дворѣхъ ходѣща ѿ г(ѣ)а** [Молдован 2000: 304].

Форма **бы** постепенно перестает восприниматься как личная форма глагола и превращается в частицу с условным и желательным значением. Бесспорные случаи употребления **бы** в качестве частицы относятся к XIV в. [ИГ Глагол: 156]. Старорусская частица **бы**, развившаяся из сослагательного наклонения без связки, актуализует семантику формы древнего условного наклонения, некогда контаминированной с аористом в составе сослагательного наклонения.

Если связка отсутствует, частица **бы** становится единственным показателем оптативного значения. В этом качестве она может употребляться уже не только в составе сказуемого, но и при атрибуте: *Взять потоки маленько белой и чистой, не мешаной бы с мукою, да золото в потоке стерть* ГИМ, Забел. № 344, первая половина XIX в. [Свод 2: 407]. Функция показателя оптативного значения у частицы **бы** очевидна в некоторых случаях, когда сказуемое не эксплицировано и неясно, какую форму оно могло бы иметь – личной формы или инфинитива: *А как санкирь просохнет, потом раствори первые вохры, яйца бы немного, да помети лица* 'чтобы яйца было немного? взять бы немного яйца?' ГБЛ, ф. 299 (Тихонр.) № 457, вторая четверть XVII в. [Свод 1: 108]. В сочетании с инфинитивом и с предикативами со значением 'нужно, следует' она, в сущности, становится плеонастическим средством, усиливающим семантику долженствования: *ѿ поварѣ(ѣ) бы і ѿ хлѣбнико(ѣ). і вездѣ. всѣко(и) помяднѣ кличникѣ дозиратѣ* [Забелин 1881: 5]; *И вымывать водою до пятью и до шестью б* Барсовское Сказание второй половины XVIII в. [Свод 2: 229]; *а тебе бы ево [клей] помешивать в сутки* Там же [Свод 2: 233]; *И как все испишеш, сколько надо б, и тою водкою скрозь воск писмо по железу наплавливати* ГИМ, Ув. 610, первая треть XVII в. [Свод 1: 83].

Точную аналогию характерному для иконописных инструкций употреблению частицы **бы** в оптативном значении при отсутствующей связке находим в записях писцов: *господи помози рабу своему Якову научиться писать, рука бы ему крепка, око бы ему светло, ум бы ему острожен, писати бы ему з...м* (конец не читается) ГИМ, Чуд. 11, начало XV в. [Протасьева 1980: 9].

Использование оптативных форм с **бы** русские книжники, по-видимому, считали несовместимым с церковнославянской нормой. Поэтому в древнейшей технической инструкции по списку Тр.-С. 408, XV в., содержащей много церковнославянизмов, в рекомендациях относительно неодушевленных объектов, с которыми предстоит иметь дело исполнителю, употребляется только юссив с частицей **да**: *поне(ж) лѣпитѣ по мраморѣ сѣпо(р). да штрѣгаетѣ ноже(м). и пакы третѣ. и егда сотретѣ тако пра(х). да возме(т)-ѣ горѣца нова дно. и простретѣ треноѣ по (д)ни. и положи(т)ѣ врѣхъ аглѣ горѣца многа* л. 38б. В позднейших инструкциях юссив с **да**, явно воспринимавшийся как церковнославянизм, уже никогда не употреблялся. В любом случае в технических инструкциях рекомендация в адрес агентивного и неагентивного субъекта обычно выражается по-разному: императивом и инфинитивом при агентивном субъекте и оптативом при неагентивном (в случае списка Тр.-С. 408, XV в. – юссивом). Разница могла нейтрализоваться, только если автор прибегал к настоящему узуальному. Различие в средствах выражения предписания при агентивном и неагентивном субъекте принадлежит к жанрообразующим элементам инструкции и сохраняется и в современном русском языке: при агентивном субъекте здесь также употребляется 2-е л. повелительного наклонения или инфинитив, а при объекте, которым манипулирует исполнитель инструкции, – описательные выражения (на месте несохранившегося оптатива с **бы**): *Взять 3 яйца,*

стакан муки {...} Замесить тесто. Тесто должно быть гладким, без комков и легко отставать от стенок посуды.

В технических инструкциях противопоставление агентивности / неагентивности субъекта выражается очень четко, потому что совпадает с выбором 2-го и 3-го л. и, соответственно, императива и инфинитива, с одной стороны, и оптатива, с другой. Сложнее обстоит дело в «Домострое», где в 3-м л. может выступать агентивный субъект. Поэтому здесь противопоставление агентивности / неагентивности не совпадает с распределением 2-го и 3-го л. и, соответственно, императива и инфинитива, с одной стороны, и оптатива – с другой: инфинитив в «Домострое» возможен только при агентивном субъекте, как и в инструкциях, но оптатив употребляется не только при неодушевленном, но и при одушевленном агентивном субъекте. Еще шире использовались оптативные формы с *бы* в старорусских деловых памятниках и частной переписке, поскольку служили для «мягкого» выражения пожелания и предписания с ослабленной категоричностью [Борковский 1968: 164–165]. Они заменяли императив и инфинитив в вежливом обращении к адресату во 2-м л.; при этом противопоставление по агентивности / неагентивности, контролируемости / неконтролируемости ситуации нейтрализовалось за счет экспансии оптативных форм. В юридических текстах и грамотах это противопоставление нейтрализовалось противоположным образом, как следствие употребления инфинитива по отношению к неодушевленному субъекту или в безличном предложении. Нейтрализация характерна и для церковнославянских памятников за счет употребления во всех случаях юссива с *да*. Что же касается предписаний церковных иерархов, то они носят гибридный характер, прибегая то к церковнославянской конструкции, то к инфинитиву или оптативу.

Таким образом, из всех изученных текстов в наиболее чистом виде оппозиция по агентивности / неагентивности, контролируемости / неконтролируемости ситуации исполнителем выражена в старорусских технических инструкциях. В менее четком виде она представлена в «Русской Правде», где инфинитив возможен только при одушевленном субъекте, и в «Домострое», где инфинитив употребляется только при агентивном субъекте, хотя в этой ситуации возможен и оптатив, как при неагентивном субъекте. В церковнославянских памятниках эта оппозиция не проявляется. Распределение средств выражения предписаний в средневековых текстах – за вычетом общих для всех памятников императива 2-го л. и узуального настоящего – можно проиллюстрировать при помощи таблицы:

Субъект	Форма сказуемого				
	церк.-слав. тексты	«Русская Правда»	«Псковская судная грамота»	«Домострой»	инструкции
контролирующий ситуацию	да + наст.-буд.	инфинитив	инфинитив	инфинитив, оптатив	инфинитив
не контролирующий ситуацию	да + наст.-буд.		инфинитив	оптатив	оптатив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борковский 1949 – В.И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
 Борковский 1968 – В.И. Борковский. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Ч. 1. Типы простого предложения. М., 1968.
 Вайан 1952 – А. Вайан. Руководство по старославянскому языку / Пер. с франц. В.В. Бородич; Под ред. и с предисл. В.Н. Сидорова. М., 1952.

- Гусев 2002 – В.Ю. Гусев. Императив и смежные значения // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.
- Добрушина 2001a – Н.Р. Добрушина. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Аксаково, 2001.
- Добрушина 2001b – Н.Р. Добрушина. К типологии оптатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М., 2001.
- Живов 2004 – В.М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Забелин 1881 – Домострой по списку ОИДР / Предисл. И.Е. Забелина // Чтения ОИДР. 1881. Кн. 2.
- ИГ Глагол – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Кузичева 2004 – А.П. Кузичева. Чеховы: Биография семьи. М., 2004.
- Лесневский 1976 – В.С. Лесневский. О некоторых структурных типах сложноподчиненных предложений в древнерусских текстах // История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976.
- Максимович 1998 – К.А. Максимович. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.
- Максимович 2008 – К.А. Максимович. Заповѣди вѣтхъ отъцъ: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе. М., 2008.
- Молдован 1996 – А.М. Молдован. Из синтаксиса древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого» // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.
- Молдован 2000 – А.М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Протасьева 1980 – Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980.
- ПСРЛ I – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Пчела – «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- РИБ VI – Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. 2-е изд. СПб., 1908.
- Свод 1–2 – Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. Т. I. Кн. 1–2 / Сост., вступит. ст. и примеч. Ю.И. Гренберга. СПб., 1995.
- СДЯ XI–XIV, I – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988.
- Симони 1906 – К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVII столетий / Собрал и снабдил вводною статьею и объяснит. примеч. П. Симони // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1906. № 161.
- Собинникова 1990 – В.И. Собинникова. Псковская судная грамота – памятник русского литературного языка. Воронеж, 1990.
- Соболевский 1907 – А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
- Тихомиров 1953 – М.Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. (Репринт. изд.: Slavica-Reprint Nr. 35. Düsseldorf; Vaduz. 1970.)
- Турилов 2004 – А.А. Турилов. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем / Славяне и их соседи. Вып. II. М., 2004.
- Успенский 2002 – Б.А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.
- Якубинский 1953 – Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
- Bräuer 1957 – H. Bräuer. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Teil 1: Die Final- und abhängigen Heischesätze (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin. Bd. 11). Wiesbaden, 1957.
- Rosenschon 1994 – U. Rosenschon. Sechs Seiten medizinischer Recepte im glagolitischen Psalter 3/N des Sinaiklosters // Byzantinoslavica. 1994. 55/2.